

Проблемы отечественной истории

Н. Б. АКOEBA

ПРОСВЕЩЕНИЕ КАЗАКОВ ЮГА РОССИИ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются процессы трансформации традиционной культуры казачества Юга России.

Ключевые слова: казачество Юга России, региональная культура, модернизация, просвещение.

Во второй половине XIX века Россия вступила в этап очередной модернизации, которая вызвала глубинные перемены в политической, социальной и экономической сферах. А поскольку культура пронизывает все аспекты общественной жизни, то процессы модернизации затронули и ее.

В духовной области происходят изменения в валюативных ориентациях социальных групп: возникает необходимость освоения новых ценностей, соответствующих современным реалиям, секуляризация образования и распространение грамотности, многообразие течений в философии и науке, религиозный плюрализм, развитие средств распространения информации, приобщение крупных групп населения к достижениям культуры [1].

Большой исторический и теоретический интерес представляет сегодня проблема взаимодействия модернизации и региональной динамики. Это оказалось возможным рассмотреть при исследовании процессов, происходивших на российском Юге в конце XIX – начале XX века в среде казачества.

Несомненно, что в этот период существование и развитие культуры казачества Юга России определялось двумя достаточно сильными тенденциями. С одной стороны, началось разрушение прежней традиционной культуры, шло формирование новой системы ценностей, а с другой стороны, этот затянувшийся переходный период привел к стремлению сохранить самые архаические элементы в культуре казачьих областей.

Тем не менее, на смену сугубо традиционным, консервативным формам культурной жизни приходили новые, определяемые изменившейся экономической и социальной реальностью, условиями общественного бытия. Например, в отчете Владикавказской епархии указывалось, что газетами интересуются не одни городские жители и не редкость видеть казака, сидящего на возу с газетой в руках. «Свободомыслие принимает формы наклонности к чтению либеральных книг и газет <...> легкомысленного суждения о царском самодержавии», – писал в 1916 году один из благочинных [2].

Важная роль в развитии культурной жизни принадлежала факторам социального порядка, в частности, деятельности администрации,

казачьей интеллигенции, самих казаков.

По мнению интеллигенции, процесс разрушения прежней культуры был, несомненно, позитивным процессом, открывающим дорогу к новым формам социального бытия, так как культурные ценности прошлого во многом отражали вчерашний день существования общества и имели в большей степени элитарный характер. Необходимо было сделать их доступными широким массам.

Вместе с тем, другая часть интеллигенции отмечала и важность сохранения в неизменности народной культуры казачества, находящейся в основе существования и повседневной жизни казачьего социума. Большое внимание она уделяла религиозному аспекту культуры. Для нее процесс постепенного разрушения традиционной культуры казачьего сообщества означал тотальное разрушение и ликвидацию всего наследия прошлого и был с ее точки зрения негативным, разрушительным фактором в существовании казачьего мира. Представители этой части интеллигенции указывали, что в «настоящее время много вреда продолжает наносить <...> литература в виде дешевых копеечных газет, листков, брошюр и стенных календарей, посредством которых распространяется в народе <...> безбожие, анархизм и прочее» [3]. Хотя этой части интеллигенции, конечно же, не удавалось избежать участия в процессе становления новой культуры, поскольку он определялся не только субъективными моментами, а еще и общими объективными условиями изменяющейся реальной действительности.

Местные просветители стремились нести культуру в массы. Однако большинство населения России плохо осознавало цели образования и просвещения, для него они имели абстрактный, отвлеченный характер, не связанный с реальной действительностью, с повседневной жизнью конкретного человека. Это обстоятельство первоначально было характерно для российского Юга. Уровень культуры среди населения здесь был крайне низок. В значительной мере это ощущалось и в казачьей среде. Так, учительница Бороздинского станичного училища Е. Бутова, долгое время жившая среди терских казаков, отмечала: «Народ не образованный, грубый, малоразвитый умственно, в то же время гордый и завистливый. Уважение и личность определяется у них силою,

с которой данная личность может “жать” и “давить”» [4].

Показательным также было отсутствие желания у части казачьей элиты получать новые знания и образование. Так, например, в рапорте командиру Закаспийской казачьей бригады от командира 1-го Кавказского полка в начале XX века, отмечалось, что в полку нет офицеров, желающих поступить на курсы восточных языков, в Академию Генштаба или в военно-юридическую Академию. Нижние чины с высшим образованием также не изъявили желание подвергнуться экзамену к производству в офицеры [5].

Местная интеллигенция использовала разные приемы распространения культуры в казачьих станицах. В сельской местности открывались школы и курсы. На них понятным и доступным казаку языком объясняли ценность образования и знаний. Эта просветительская деятельность должна была воспитать гражданское сознание, привить навыки общей культуры.

В просвещении казачьих масс положительную роль играли войсковые библиотеки, хотя и немногочисленные, а также Новочеркасское общество распространения полезных книг. Самая первая библиотека на Дону появилась в Черкасском главном народном училище, а первая публичная открылась по инициативе донского историка В. Д. Сухорукова в 1870 году, правда, уже после его смерти.

Публичная библиотека давала возможность горожанам «прочитывать все лучшие русские журналы и газеты, а равно выходящие в свет лучшие книги на русском языке, выписываемые комитетом библиотеки немедленно по их выходе». Годовая плата за такие услуги составляла десять рублей.

В 1876 году в Новочеркасске открылась первая общественная библиотека, в Таганроге – библиотека и книжные магазины, появились библиотеки в Ростове-на-Дону, в Азове и Александровске-Грушевском, в станицах Константиновской, Урюпинской, Цимлянкой и других, в последующие годы – в хуторах.

Все больше стало открываться книжных магазинов. К 1915 году в Новочеркасске насчитывалось 9 книжных магазинов и лавок, в Ростове – на – Дону – 16, Таганроге – 7, Первом Донском округе – 6, Донецком округе – 5, Сальском и Ростовском округах – по 22. Постоянно увеличивалась и численность читателей донских библиотек, конечно, сейчас трудно сказать, сколько из читающих было казаков [6].

Библиотечное и книжное дело на Кубани стало организовываться лишь после переселения сюда казаков. Самой крупной коллекцией книг была библиотека Межигорского Спасо-Преображенского монастыря. У истоков книжного дела находились полковые библиотеки Кубанского казачьего войска, которые официально стали открываться с 1863

года, хотя многие существовали и раньше. В библиотеках имелись книги по военному делу, сочинения Пушкина, Жуковского, газеты, журналы [7].

Мало книг было в школах. В 1872 году лишь в 4 школах из 61 работали библиотечки. Однако к концу века почти во всех сельских учебных заведениях библиотеки уже работали. Количество книг возросло с 250 до 1210 томов [8].

В основном за счет пожертвований открывались народные библиотеки. Г. Саньков в станице Отрадной пожертвовал 50 руб., вслед за этим поступили и другие деньги, что в сумме составило 133 руб. 13 коп. На 57 руб. станичники приобрели книги, на остальные выписали журналы [9].

В станице Кужорской в 1896 году открылась народная библиотека, в которой насчитывалось более 200 книг религиозного и исторического содержания. Интересны цифры о посетителях: 4/5 составляли иногородние и только 1/5 – казаки [10].

В начале XX века в Кубанской области стали организовываться народные дома – просветительские учреждения клубного типа. При них, как правило, имелись библиотеки. Однако их фонд был небольшой. Многие станичники понимали необходимость развития просвещения, и на станичных сборах принимались решения выделить из общественных сумм деньги на устройство библиотек. Но массового размаха чтение книг не приобрело. В Кубанской области во многих станицах библиотек не имелось вовсе, что снижало уровень бытового сознания и культуры казаков [11].

Однако местная интеллигенция продолжала работу по организации народных, частных библиотек, которые могли посещать все желающие и брать книги на дом. Это в значительной мере способствовало просвещению казачества, меняло его взгляды на многие бытовые и семейные устои.

Постепенно в казачьем обществе менялась сама социально-психологическая атмосфера по отношению к «книжному знанию». Практически во всех слоях населения люди осознали не только необходимость получения, как минимум, начального образования, но и стремились расширить свой кругозор, выйдя за рамки удовлетворявшего ранее общения на станичном майдане. Чувствуя общественные настроения, войсковое начальство разрешило организовывать «просветительские клубы и собрания всех сословий с целью распространения полезных научных сведений». Такие собрания, праздничные и семейные чтения стали новой традицией в культурной жизни Новочеркасска, Александровск-Грушевского, Цимлянкой, Каменской, Гундоровской, Урюпинской и других крупных станиц Донской области [12].

В конце XIX – начале XX века на Кубани стали возникать просветительские общества – добровольные организации казачьей интеллигенции, старавшиеся вовлечь в свою деятельность население края. Вот некоторые из них: Армавирское общество попечения о детях, Общество любителей

литературы станицы Отрадной Баталпашинского отдела, Лабинское образовательно-артистическое общество, литературно-музыкально-драматическое общество станицы Уманской и другие [13].

Подобная просветительская деятельность в казачьей станице способствовала формированию нового культурного пространства на казачьем Юге. Большое внимание местные просветители уделяли привитию элементарных навыков письма и особенно чтению, а также истории казачьих войск. Так, например, в докладной записке «Об устройстве господином Амантуни в станицах Кавказского отдела чтений из истории образования казачества молодым казакам» в 1895 году сообщалось, что «Никодим Исаевич Амантуни, судебный следователь Екатеринодарского окружного суда Тихорецкого участка, в своем прошении на имя наказного атамана Якова Дмитриевича изъявил желание проводить воскресные чтения по истории казачества для молодых казаков Кавказского отдела». Далее отмечалось, что эта инициатива была принята войсковым начальством с искренней признательностью [14].

В отдельных станицах Терека по воскресеньям проводились народные чтения, ставились любительские спектакли, создавались оркестры, хоры, коллективы [15].

Избы-читальни в станицах, по мысли местных просветителей, должны были способствовать приобщению казаков к образованию. Войсковое начальство разрешило открывать клубы, проводить чтения, вечера в ряде станиц с целью просвещения населения, привития ему религиозных чувств [16]. В станицах у учителей, казачьих офицеров имелись и домашние библиотеки. Например, у урядника Петра Васильевича Образа из станицы Старо-Титаровской в библиотеке были книги не только церковного содержания [17]. Распространению образования служили и полковые библиотеки, заведовать которыми поручалось офицерам [18].

Таким образом, в процессе модернизации очень важным является замена устарелых культурных привычек и обычаев новыми и продуктивными системами культурных ценностей, которые формировались в процессе приобщения казаков к просвещению, ускоряя начавшийся разрыв с социокультурной национальной традицией.

В целом, изменение культурной идентичности

рассматривается теоретиками модернизации как необходимое условие успешности, а смена культурной идентичности говорит о завершенности модернизационного процесса. Во второй половине XIX – начале XX века культурная модернизация на Юге России только начиналась.

Литература и источники

1. *Ермаханова С. А.* Теория модернизации: история и современность. URL: http://yaneuch.ru/cat_08/teoriya-modernizacii-istoriya-i-sovremennost/1736.73963.page1.html
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 786. Оп. 447. Д. 2750. Л. 6, 6 об.
3. Там же. Ф. 786. Оп. 447. Д. 2768. Л. 3.
4. СМОМПК. Вып. 7. Тифлис, 1889. С. 22.
5. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 411. Оп. 1. Д. 52. Л. 25.
6. *Астапенко М. П.* Край донской казачий... Ростов н/Д., 1994. С. 124–125.
7. *Лях В. И.* Культура Кубани: генезис и структурообразующие элементы. Краснодар, 2009. С. 177–181.
8. *Зажаяев П.* Прошлое и настоящее Кубанской начальной школы. Екатеринодар, 1907. С. 28.
9. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 524. Л. 60.
10. *Лях В. И.* Просвещение и культура в истории кубанской станицы. Краснодар, 1993. С. 155.
11. ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 5980. Л. 78.
12. Трансформация культурных традиций во второй половине XIX – начале XX в. URL: <http://rostov-region.ru/books/item/f00/s00/z0000035/st008.shtml>
13. *Денисов Н. Г., Лях В. И.* Художественная культура Кубани. Краснодар, 2000. С. 214–217.
14. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 6700. Л. 4.
15. Терские ведомости. 1900. № 51.
16. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 596. Оп. 1. Д. 42. Л. 2; Ф. 46. Оп. 1. Д. 2469. Л. 17.
17. *Бугай Н. Ф.* Станица СтароТитаровская: от Екатерины II до начала XXI века. Тула, 2007. С. 180.
18. *Слуцкий А. И.* К истории организации полковых библиотек в Кубанском казачьем войске // Донской временник. 2008; *Он же.* Военные библиотеки Кубани в 40-х–50-х годах XIX века // Чтение в дореволюционной России: сб. науч. тр. М., 1995. С. 117–127.

N. B. AKOEVA. EDUCATION OF COSSACKS OF THE SOUTH OF RUSSIA DURING THE FLEDGING YEARS OF MODERNIZATIONAL CULTURE

Some processes of transformation of traditional culture of cossacks of the South of Russia are considered in the article.

Key words: modernization, culture, cossacks, education.